

897.41
С-442

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

СТАРК
Вадим Петрович

А.С.ПУШКИН И ТВОРЧЕСТВО В.В.НАБОКОВА.

Специальность 10. 01. 01 — русская литература

Диссертация
в форме научного доклада
на соискание ученой степени доктора филологических наук

САНКТ - ПЕТЕРБУРГ
2000

14

Работа выполнена в Отделе пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор

Н.И. Михайлова

доктор филологических наук, профессор

О.В. Сливцкая

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Ю. В. Стенник

Ведущее учреждение: Санкт-Петербургский государственный университет

Защита состоится «29» март 2000 г. в 14⁰⁰ часов на заседании специализированного совета Д 002. 43. 01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

С опубликованными работами можно ознакомиться в Библио-

март 2000 г.

В. К. ПЕТУХОВ

891.71
С-772
3

Тема данного исследования определена необходимостью углубленного историко-литературного анализа такого ориентира и источника творчества В. В. Набокова как пушкинское наследие—в контексте тех традиций русской литературы, посредством которых они взаимосвязаны. Избранная тема и связанная с нею проблематика являются в диссертации предметом исследования, которое опирается на анализ текстов Пушкина и Набокова и сопоставление приемов их творчества. В исследовании учтены известные работы пушкинистов и набоковедов: Б. В. Аверина, В. Александрова, Г. Барабтарло, Б. Бойда, Н. Букс, В. Э. Вацуро, М. Н. Виролайнен, Дж. Грейсон, С. Давыдова, О. Дарка, Д.-Б. Джонсона, А. А. Долинина, В. В. Ерофеева, Р. В. Иезуитовой, С. Ильина, Я. Л. Левкович, А. М. Люксембурга, М. Э. Маликовой, А. С. Мулярчика, А. М. Панченко, В. Д. Рака, С. Сендеровича, О. Ю. Сконечной, П. Тамми, Н. К. Телеговой, И. Н. Толстого, Э. Филда, С. А. Фомичева, Д. Циммера, Е. Шварц и др.

АКТУАЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИИ. Установившееся предубежденное отношение к творчеству Набокова современной ему русской эмигрантской критики, отказывавшей ему в русской традиции, духовности, акцентировавшей внимание прежде всего на приемах его искусства, требует коррекции такой позиции, выработки новых подходов к постижению писателя, столь долго находившегося вне поля зрения отечественного литературоведения. Набоковедение в России находится в стадии становления, оно дало пока всего несколько монографических работ, в которых лишь вскользь затрагивается вопрос о влиянии Пушкина на Набокова. Современное зарубежное литературоведение, прежде всего американское, при всем обилии работ, посвященных творчеству Набокова, не смогло разрушить сложившиеся стереотипы, тем более, что по преимуществу занималось англоязычным Набоковым и прослеживало его истоки по большей части вне путей русской литературы.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ состояла в том, чтобы установить концептуальное значение для поэтики и эстетики Набокова пушкинского творчества, сделать заключение о своеобразной пушкинологической концепции всего художественного наследия Набокова. Особое внимание было уделено определению того места, которое в творчестве Набокова сыграла его комментаторская работа над романом Пушкина «Евгений Онегин», значимости этого труда для современного пушкиноведения.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА РАБОТЫ состоит прежде всего в том, что соотнесение творчества Пушкина и Набокова рассматривается не

только как блистательная интеллектуальная игра приемов, но и как глубокая родственность гуманистических миров, генетическая, целостная интертекстуальная система, определяемая набоковской концепцией. Европеизм обоих писателей обусловил видение ими России как явления самобытного, воспринятого не с позиции изоляционизма, но в ряду других культур, со своим ценностным творческим вкладом в жизнь человечества. Впервые к исследованию генезиса литературного творчества привлекается генеалогический материал. «Комментарий к “Евгению Онегину”» рассматривается в контексте художественного творчества Набокова.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВОЙ диссертационного исследования стало выявление и систематизация пушкинских мотивов в творчестве Набокова, реминисценций, цитат, парафраз, ассоциаций, связанных с пушкинскими текстами, принципов их использования. При этом были проанализированы как наблюдения, накопившиеся в набоковиане, так и собственные, нашедшие отражение в опубликованных работах, в том числе образовавшиеся в ходе подготовки к изданию на русском языке набоковского «Комментария к “Евгению Онегину”».

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ диссертации — продуктивное использование идей и наблюдений, изложенных в работах, представленных к защите, литературоведами и преподавателями учебных заведений, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на работы автора в научных публикациях других исследователей. Осуществление в ходе данной работы издания на русском языке набоковского «Комментария к “Евгению Онегину”» сделало его доступным для самого широкого применения как в отечественных научных исследованиях, так и в ходе преподавания истории русской литературы в высших и средних учебных заведениях. Данное исследование было использовано и при формировании концептуальных положений экспозиций Историко-литературного и мемориального музея В. В. Набокова в селе Рождествено Ленинградской области и Санкт-Петербургского музея В. В. Набокова. Результаты диссертации могут быть использованы и в дальнейших научных работах, посвященных творчеству Пушкина и Набокова. Они применимы в разработках, отражающих преемственность литературного процесса.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ осуществлялась в докладах, прочитанных на научных конференциях, в частности на ставших уже традиционными ежегодных чтениях в Санкт-Петербурге, на международных и отечественных конференциях: «Владимир Набоков-Сири» (Париж, университет

Сорбонна, 1994), приуроченных к 200-летию со дня рождения Пушкина и 100-летию со дня рождения Набокова в 1999 г., прежде всего на международной конференции «А. С. Пушкин и В. В. Набоков» (Пушкинский Дом РАН, апрель 1999), а также в научных докладах и лекциях, прочитанных для студентов и преподавателей высших учебных заведений, слушателей летних курсов из американских университетов при Пушкинском Доме РАН, циклах лекций и докладов во Всероссийском музее А. С. Пушкина и Санкт-Петербургском музее В. В. Набокова и ряде других.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ К ЗАЩИТЕ

«Пушкин — радуга по всей земле» — так образно определил Набоков место Пушкина в литературе, все многообразие его дара, явившегося мостом, связующим русскую литературу с мировой, национальные традиции с европейской культурой. Для самого Набокова и целого поколения изгнанников он явился связью между прошлым и настоящим. Только Пушкин на протяжении всей жизни оставался для Набокова незыблемым авторитетом. В разнообразных ракурсах представлены отражения Пушкина и его созданий в набоковском творчестве. Даже название русского варианта набоковского автобиографического повествования «Другие берега», которое Д.-Б. Джонсон назвал компендиумом всех тем и мотивов в творчестве Набокова, он сам в письме к В. М. Добужинскому возводит к пушкинской элегии 1835 г. «Вновь я посетил...». Хронологически «Другие берега» охватывают русскоязычного, сирийского Набокова. Набоков, как никто другой в России или за ее пределами, заявил права на пушкинское наследие, упорно связывая Пушкина с собою. Он и переводил, и комментировал, и читал о нем лекции студентам. Ему хотелось представить Пушкина англоязычному читателю «правдоподобно», и это ему удавалось, хотя сам он относился к своим, прежде всего стихотворным, переводам весьма критически, полагая их лишь «достаточно правдоподобными», а желание познакомить иностранного читателя с Пушкиным в переводе — «дурным желанием». Но Набоков признавался, что получал удовольствие от переводческой работы, испытывая «чудесное ощущение полного погружения в поэзию».

В романе «Дар» он заметил: «У пушкинского читателя легкие расширяются в объеме». Набоков применительно к пушкинскому наследию заметил в эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие», написанном к столетию гибели Пушкина в 1937 г.: «Единственно приемлемый способ

его изучить — читать, размышлять над ним, говорить о нем с самим собой, но не с другими, поскольку самый лучший читатель это эгоист, который наслаждается своими находками, укрывшись от соседей».

Именно наблюдения за текстами Пушкина и Набокова, находки, сделанные по ходу наблюдений, наконец выводы, последовавшие за ними, составляют суть и смысл данной работы. При всей полигенетичности интертекстуального богатства набоковских произведений, изучение которых составляет значительную часть от объема исследований, посвященных Набокову, связь его творчества с пушкинским наследием занимает первенствующее место. Мотивы, ассоциации, реминисценции, открытые и скрытые цитаты, парафразы, эпитафии, восходящие к текстам Пушкина, стилизации и пародии давно стали предметом исследований в работах как зарубежных, так и отечественных ученых, пушкинистов и набоковедов. Связь набоковских и пушкинских текстов прослеживается с первых поэтических сборников Сирина (1923).

Под псевдонимом Сирин Набоков издал два сборника стихотворений и все свои русские романы. Поэт и писатель Сирин родился в день русского Рождества, 7 января 1921 г., когда под этим псевдонимом были напечатаны в газете «Руть» три стихотворения и рассказ «Нежить». Сирин — это райская птица и это имя Св. Ефрема Сирина, поэта-пророка IV в., чью великопостную молитву «Владыко дней моих...» переложил Пушкин в стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны...», вошедшем в так называемый «каменноостровский цикл» лета 1836 г. И. В. Гессен, старый друг семьи Набоковых, писал в своих воспоминаниях: «Как нельзя точнее к Сирину в виде все более редкого исключения применимо утверждение того, у кого он заимствовал свой псевдоним, что в слове — помышления сердца человеческого». Судьба гонимого поэта-пророка стала знаком восприятия судьбы гонимого Пушкина, а опосредованно через Пушкина — Набокова.

Для анализа набоковских текстов были использованы те же приемы, которые позволили нам установить принципы композиции «каменноостровского» цикла Пушкина, определенного последовательностью событий Страстной недели. Сопоставление пушкинских приемов с теми, которые применяет Набоков, позволяет говорить о том, что пушкинские эксперименты в области поэтики, опередившие его время, созвучны XX веку в лице Набокова.

Сам Набоков, определяя периодизацию своего поэтического творчества в предисловии к сборнику «Poems and Problems», выделил «период, продолжавшийся далеко за двадцатый год, некоего частного ретрос-

пективно-ностальгического кураторства, а также стремления развить визионерскую образность (некоторые читатели ошибочно усматривали в этом интерес к религии — интерес, который для меня ограничивался литературной стилизацией)». Известно, что к подобного рода заявлениям Набокова следует относиться с той долей осторожности, которая предполагается, чаще всего, заключение, прямо противоположное высказанному, и в любом случае не должно приниматься без проверки.

Внимательный анализ вещей, вошедших в сборник «Горний путь» (1923), как и выбор самого его названия, наглядно доказывает справедливость подобного заключения. Если же стилизация в них и есть, то она соотносится с лирикой Пушкина. В этих ранних стихотворениях встречаются совершенно отчетливые переключки с Пушкиным, в частности образ серафима, дарующего поэту пророческую силу, восходящий к пушкинскому «Пророку». Первые три стихотворения, опубликованные под псевдонимом Сирина, всем своим настроем говорят не столько о стилизации, сколько о стремлении поэтически осмыслить самые источники, к которым обращается его автор. Это стихотворение «И видел я: стемнели неба своды...», напечатанное тогда под названием «Видение Иосифа». Его источник, так называемое «Протоевангелие Иакова», апокриф, написанный от имени Иакова, брата Иисуса и сына Иосифа от первого брака, указан эпитафией: «(Евангелие Иакова Еврея, гл. 18)». То же относится к стихотворению «Павлиньи», эпитафия которого восходит к стихам «пинских калек переходящих» о Деве Марии, сплетавшей венки из павлиньих перьев для ребенка Христа.

Прослеживается у Набокова воздействие двух стихотворений Пушкина «Пророк» и «Как с древа сорвался предатель ученик...», в которых явлено столкновение человека с потусторонними силами, на такое знаменательное, по своему итоговое произведение русскоязычного Набокова как «Ultima Thule», главу незавершенного романа, где речь идет о познании человеком невыразимого в предстоянии смерти. В «Пророке» — это серафим, подменяющий будущему поэту его «лукавый» язык, на язык поэта-пророка. В стихотворении «каменноостровского» цикла — это дьявол, относящий тело Иуды к Сатане, «прожигающему» предательские уста. В обоих столь различных по смыслу стихотворениях произведена страшная операция над плотью человеческой. Мучительность ее отмечена Набоковым и трансформирована в кульминационной сцене «Ultima Thule».

Посвящение сборника «Горний путь» памяти отца, погибшего как рыцарь, с многозначительным эпитафией, заключающим в себе

последние шесть строк из стихотворения «Арион», со стиха «Погиб и кормщик и пловец!...», открывает в творчестве Набокова очень существенный мотив, обозначенный тем, что «ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца». Развитие этого мотива, столь очевидное в романе «Дар», звучит и в других романах Набокова, и во всех вариациях его автобиографического повествования. В «Других берегах» дуэль отца с издателем Сувориным, благополучно закончившаяся, уже ассоциируется с дуэлью Пушкина и дуэлью Онегина с Ленским.

Большая часть стихотворений сборника «Горный путь» была написана еще в Крыму, где Набоков, говоря его собственными словами, «окунулся в пушкинские ориенталии». Пушкин, сосланный на юг, сравнивает себя с изгнанником Овидием, Набоков вослед Пушкину себя сопоставляет с Овидием, но, прежде всего, с Пушкиным, которого называет «блестящим примером вечного изгнанника». Одно из первых стихотворений сборника «Звени, мой верный стих, витай воспоминанье!...» — элегия с четкими приметами утраченного Набоковым усадебного рая, построенная на прямых реминисценциях сразу с двумя пушкинскими текстами — самым первым, посвященным Михайловскому, т.е. с «Деревней» (1819), и строфой из «Путешествия Онегина». Ряд других аллюзий относится также к пушкинским стихам, завершается же сборник стихотворением «LAWN-TENNIS» — мастерской пародией-контаминацией сразу на стихи уже конца жизни Пушкина «На статую, играющего в свайку» и «На статую, играющего в бабки» (1836). Так, с поправкой на XX век завершается в этом сборнике переключка через столетие Пушкина и Набокова — своеобразная игра одного поэта с другим, игра, поэтика которой предопределяет набоковские отражения пушкинских мотивов и образов во всем последующем творчестве Набокова, применительно ко всем без исключения жанрам.

В 1924 г. была написана Набоковым драма в стихах «Трагедия господина Морна», оставшаяся незавершенной и неизданной при жизни автора. Только в 1997 г., с позволения сына писателя, подготовленную текстологически С. Витале и Э. Проффер, нам удалось впервые издать ее. В этой драме изначально прозвучала тема, которая станет сквозной для ряда будущих романов Набокова, тема изгнания из рая, воплощенная в образе поверженного короля, лишенного своего королевства. В пьесе развивается мотив пушкинского стихотворения «Родриг». Сюжет ее связан с нравственным мотивом вины, за которую должен заплатить герой ценою короны. В разнообразных аспектах, поворотах разыгрывается эта тема, с нюансированием мотивировок во всем метароман-

ном пространстве набоковской прозы, как русско- так и англоязычной. Однако впервые она прозвучала в «Трагедии господина Морна». Память об утраченном прошлом — «столице этой стройной и беспечной», о реальном Петербурге набоковского детства пронизывает трагедию. Описания королевской столицы в трагедии перекликаются с набоковскими стихами о Петербурге, которые, в свою очередь, связаны с пушкинским городом «строителя чудотворного». Очевидный подтекст «Медного Всадника» проступает за чертами Сириным «умышленного» города, легенда о короле ассоциируется с петровским мифом. Мотив двойничества и подмены, столь знаменательный для стилистики набоковских романов, впервые отчетливо звучит в «Трагедии господина Морна». Греза в ней перепутана с реальностью, сказка с исторической былью.

Отчетлив в пьесе пушкинский фон, выявляемый ассоциативным цитированием (одним из излюбленных приемов Набокова) «маленьких трагедий» Пушкина, прежде всего, драмы «Пир во время чумы». В кульминационном монологе Морна в I сцене III акта парафразируются слова из песни Председателя «Есть упоение в бою, // И бездны мрачной на краю...»:

...О, если б можно было
 Не так, не так, а на виду у мира,
 в горячем урагане боевом,
 под гром копыт, на потном скакуне, —
 чтоб встретить смерть бессмертным восклицаньем...

Пушкин писал «Пир во время чумы», запертый холерой в Болдине, Набоков в Берлине и Праге, исторгнутый революционной катастрофой из России. Первое слово, произнесенное в трагедии, — это слово «сон», дважды повторенное и прослоенное другим — «Сон, лихорадка, сон». Эти слова как бы программируют действие — от волшебного сна, прерванного лихорадкой мятежа, к новому погружению в идеальный сон. Они принадлежат в трагедии вождю мятежников Тременсу, подверженному «трепетному недугу» разрушителя. Его имя производится от латинских *tremendus* (внушающий трепет) и *tremulus* (дрожащий или приводящий в трепет). Фамилия по смыслу восходит к пушкинской «твари дрожащей». Многосмысловая, разноязычная игра с именами своих героев начата Набоковым именно в этой трагедии. Трагедия, воскресшая из небытия, высветила то, что, может быть, ее создатель и не хотел продемонстрировать читателю — черновик его будущего мира, явленного затем в прозе Набокова.

В рассказах Набокова намечается несколько путей реализации обращения к Пушкину, использования пушкинских мотивов и образов в качестве структурообразующего начала. К примеру, в рассказе «Круг», своеобразном эмбрионе романа «Дар», пародируется «онегинская» ситуация, сюжетная коллизия Татьяны и Онегина, с двумя встречами героев — первая в обстановке деревни, куда приезжает Иннокентий, и Таня посылает ему письмо, и вторая — в Берлине, когда Иннокентий, вновь встретив ее, не может понять, что, уже замужняя, все утратившая Татьяна осталась прежней. В рассказе «Посещение музея» мы неожиданно наблюдаем развитие мотивов пушкинской «Пиковой дамы». Анекдотический рассказ о портрете кисти Леруа (вспомним имя Леруа в повести Пушкина) перекликается с анекдотической также завязкой «Пиковой дамы». Случай приводит Германна к дому старой графини, в рассказ о которой ему не очень-то верилось. Случай же приводит набоковского героя на порог музея, в котором оказался портрет, в существование которого как-то ему не верилось. И пушкинскому, и набоковскому герою изменяет трезвый расчет, они поддаются случаю, включаясь в игру, пытаются оживить прошедшее, навязать жизни свои требования, за что она мстит им. Набоков в новой ситуации разрешает те проблемы, которые волновали Пушкина за сто лет до него и не только в этом рассказе. На «чистейший звук пушкинского камертона» неизменно настраивалось творчество Набокова — вне зависимости от языка, на котором он писал, и жанра, к которому обращался.

«Присутствие» Пушкина в романном пространстве идет по нарастающей — от чтения и цитирования автором и его героями пушкинских текстов до постепенного слияния творящего повествователя набоковского романного пространства с фигурой и образом Пушкина. В Ганине с его намеками на потенцию к творчеству, его фамилия, производная от фамилии Ганнибал, как предположила Н. Букс, ставит его в отдаленную связь с Пушкиным.

Набоков следует за Пушкиным от первого романа «Машенька» (1926), начиная с эпиграфов («Погиб и кормщик и пловец...», «...Вспомня прежних лет романы, // Вспомня прежнюю любовь...») и до последнего романа «Смотри на арлекинов!» (1974), где у аникушинского памятника Пушкину оказывается приехавший в Ленинград писатель кн. Вадим Вадимович. «Идет ли дождь?» — как будто вопрошает Пушкин, запечатленный в позе с вытянутой рукой и ладонью, обращенной вверх, то есть установилась ли, наконец, погода? Нелепость монумента, каким его представляет Набоков, метафорически выражает нелепость появле-

ния героя романа в своем родном городе. Так в последний раз отмеривается соответствие реальности и идеала на «пушкинских весах». В. Набоков не дождался «благоприятной погоды», познание писателя Россией произошло только после его физической смерти.

ПНТ

Однако самое существенное для понимания следования Набокова по пушкинской стезе обнаруживается в отношении к России в связи со своим происхождением. Под всеми известными высказываниями Пушкина о гордости славою предков вполне мог бы подписаться Набоков. Родословная проблематика в творчестве Пушкина и Набокова выходит далеко за пределы корпоративного, фамильного интереса, который отличал того и другого. Впервые в творчестве Пушкина история собственного рода включается в художественный текст, а не представляет собою изложения биографии, как это имело место у Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева и др. писателей XVIII в. Своего прадеда А. П. Ганнибала Пушкин делает прототипом Ибрагима в романе «Арап Петра Великого». При том, что Пушкин использовал факты его реальной биографии, он отступает от нее и других документальных исторических источников, в том числе от «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, в силу поставленной перед собою художественной задачи. Пушкин события жизни своего прадеда делает фоном своей собственной жизни, в частности отношений с Николаем I. Представляется, что одной из причин незавершенности романа оказывается то, что Пушкин заходит в некий тупик — факты реальной биографии прототипа не соответствуют концепции создаваемого образа. В собственно биографических работах Пушкин также стремится выделить те факты из истории своих предков, которые вписываются в его понимание исторического пути России. «История рода — то есть история отечества», — провозгласил впервые Пушкин, тем определив значение темы собственной родословной в последующей русской литературе.

Влияние в этом направлении пушкинского подхода к включению собственной родословной в художественный текст можно проследить в творчестве С. Т. Аксакова, А. К. Толстого, Л. Н. Толстого, А. Н. Толстого, А. А. Блока, И. А. Бунина и, наконец, В. В. Набокова. Следует отметить, что перед всеми, кто претворял собственное родословие в творчестве, стояли одни и те же проблемы — прежде всего, изначальное отсутствие достоверных документальных данных, обусловленное

пренебрежением носителей даже самых громких исторических фамилий к собственной генеалогии. В силу этого каждому из писателей приходилось пользоваться семейными легендами, которые могли придать дополнительный колорит родословию, но чаще всего далеко отстояли от истины. Например, Блок, создавая поэму «Возмездие», по сути впервые обращается к своей родословной, а потому допускает фактические ошибки в отношении своих предков.

Во всех романах Набокова в разной степени нашла отражение история собственного рода. Перед Набоковым, как и перед его предшественниками, стояли те же проблемы, связанные с постижением истории своего рода и его художественным отражением, которые стояли и перед Пушкиным, впервые вплетавшим семейную историю в историю отечества и оживлявшим ее при помощи художественного вымысла. Пушкин утверждал мысль, пронизывающую все его творчество, что на уважении к памяти предков зиждется «самостоянье человека». Осознание этого далось только зрелому Пушкину, как не сразу пришло оно и к Набокову. В «Других берегах», начиная главу, посвященную родословной, он пишет: «Восемнадцати лет покинув Петербург, я (вот пример галлицизма) был слишком молод, чтобы проявить какое-либо любопытство к моей родословной; теперь я жалею об этом — из соображений технических: при отчетливости личной памяти неотчетливость семейной отражается на равновесии слов». Выраженное Набоковым ощущение сродни тому, которое испытал и Пушкин, когда принялся за историю собственного рода. У Набокова утрата России, а с нею вместе могил предков и родовых гнезд, возбудила дремавший до того интерес к истории рода, дала осознание своей связанности с нею, обусловленности себя и своей судьбы тайным генетическим кодом.

Пушкинское занятие генеалогией, как заметил М. П. Алексеев, «это увлечение, имевшее глубокие корни, нашло неоднократное отображение во всем его творчестве — поэзии и прозе, в критических статьях, письмах, деловых документах...» Первое пушкинское обращение к истории своего рода и отражение ее в творчестве — это 1 строфа главы первой «Евгения Онегина» в его первом издании и примечание к ней, где поэт сетует на то, что «странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям». Эти предания в силу специфики своего возникновения и бытования грешили вольными или невольными ошибками, хронологическими несуразницами и даже домыслами во имя возвеличения рода. Предания пушкинского рода в этом смысле не исключение. Несмотря на то, что Пушкин недостоверными источниками пользовал-

ся с большой осторожностью, он не мог избежать ошибок, которые со временем повторяли его биографы, не всегда давая им должную критическую оценку. Перенесенные же из сферы научной в широкое обращение, дополненные досужими толкованиями версии, высказанные в осторожной форме, тиражировались и приобретали характер аксиом и порою вовсе искажали историческую картину. Самым слабым местом творимых таким образом легенд оказывалось смещение хронологических координат, контаминация разнородных событий и различных лиц.

Пушкинский вклад в поддержание устойчивых родословных легенд не подвергся до настоящего времени критическому анализу. Сопоставление пушкинских текстов, печатных и архивных генеалогических материалов позволило установить, с одной стороны, истину, с другой — источники некоторых заблуждений Пушкина. К числу таких источников относится рукописное родословное древо, составленное дядюшкой поэта В. Л. Пушкиным в 1799 г., хранящееся ныне в Пушкинском Доме. Однако объяснение некоторых якобы ошибок Пушкина, как выясняется, кроется в самой природе его творчества. Так в стихотворении «Моя родословная» казенного участника заговора против Петра I, Ф. М. Пушкина, принадлежавшего к другой ветви рода, поэт называет «мой пращур». Объяснение находится в черновых набросках плана автобиографии: «Рача, Гаврила Пушкин. Пушкины при царях, при Романовых. Казенный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я». Заключительные пункты этого плана объясняют определенную избирательность сюжетов из истории своего рода, на которых Пушкин останавливает внимание и в некотором смысле тенденциозно акцентирует их разработку для читателя. Он выделяет прежде всего те имена, которые вошли в общую или частную семейную историю как имена гонимых, подвергшихся опалам и казням. В своей собственной судьбе он видит как бы развитие этой роковой семейной темы.

Той же концепции подчиняется и упоминание о том, что дед поэта «попал в крепость, в карантин» в то время, когда он благополучно продолжал свою службу и даже получил повышение, чему находится свидетельство в виде патента на чин подполковника, хранящийся в Пушкинском Доме. Налицо оказывается художническая избирательность и определенная интерпретация сюжетов. Установление нескольких подобного рода пассажей позволяет говорить о продуманном направлении в использовании собственной родословной для решения художественных задач.

Послепушкинские историко-генеалогические изыскания вносят ясность в изучение многих проблем, которые занимали Пушкина и разрешить которые он не имел возможности по недостатку документальных данных. Но характерное для Пушкина стремление к постижению истины в его обращениях к истории собственного рода было ограничено не только объективным фактором отсутствия надежных источников. Эти обращения по большей части остро полемичны и носят в определенном смысле тенденциозный характер. Идея защиты чести поэта и дворянина сливаются у Пушкина в единое целое. Погружая читателя в историю своего рода, Пушкин формирует в сознании четко очерченный образ поэта независимого и потому оппозиционного, верного традициям своих предков. Таким образом, с одной стороны, ограниченный багаж генеалогических познаний дворянина средней руки, с другой — глубоко осознанное чувство достоинства поэта определяют уровень мифологизации, которую допускает Пушкин в отношении истории своего рода.

В обращении Набокова к истории своего рода мы наблюдаем использование того же комплекса приемов в отображении ее, создании желаемой картины, что не может быть объяснено совпадением. Нет ни одной ключевой позиции в генеалогии Пушкина, его биографии в целом, в параллель которой Набоков не сотворил бы построения, ему отвечающего. Анализ того, как преподносит свою родословную Набоков, позволяет говорить об очевидной избирательности, которой он следует, перечисляя фамилии, породнившиеся с его родом: «По отцовской линии мы состоим в родстве или свойстве с Аксаковыми, Шишковыми, Пуцциными, Данзасами». При этом после фамилии Данзас следует симптоматическое заключение: «Думаю, что было уже почти темно, когда по скрипучему снегу внесли раненого в геккереновскую карету». Подобно Пушкину Набоков из множества предков и семейных преданий целенаправленно отбирает те фигуры и те истории, которые «в смысле контрапункта» отвечают его собственной судьбе, какой он ее представляет читателю, выделяя «звон путеводной ноты». Этой избирательности отвечает и круг героев Набокова. Исключительность, неординарность большинства набоковских героев, помимо творческого дарования определяется высоким происхождением — законное оно или нет, что определяет личность.

Те приемы и методы генеалогического порядка, которые использовались и оттачивались Набоковым от романа к роману, наиболее наглядно выявляются в двух его последних романах, где фамилии оказываются укорененными в генеалогии известных дворянских родов. Фамилия князя Всеслава Земского в романе «Ада» является производной

от фамилии Вяземского. Она усечена по принципу Репнин — Пнин. Сын кн. Всеслава Петр Земский, женатый на Мэри О'Райли, ассоциирован с другом Пушкина кн. Петром Вяземским, ирландцем по матери О'Райли, на что Набоков указывает и в комментариях к «Евгению Онегину». Фамилия Пнина — усечена от Репнин, знак незаконного рождения. Составленное Набоковым фамильное древо должно наглядно представлять породнение между собою героев романа, где все оказываются потомками князя Всеслава и его жены, урожденной княжны Софии Темносиней. В третьем поколении троюродные братья и сестры соединились между собою в браках, что не возбранялось законом и церковью. Формально, если следовать схеме, то союз главных героев Вана и Ады был соединением брата и сестры троюродных по отцовской линии и двоюродных по материнской. На самом деле их союз оказывается кровосмесительным, ибо по ходу действия выясняется, что они приходились друг другу родными братом и сестрой.

Американский исследователь Д.-Б. Джонсон попытался доказать, что инцестные отношения представителей семейства Земских и Винов имели место уже в двух предшествующих поколениях и только то обстоятельство, что Ван и Ада окажутся родными по крови, заставляет его отказаться от мысли, что инцестными были отношения еще второго поколения между Петром и Ольгой Земскими. Представляется, что это не имеет основания в тексте романа. Очевидно, что Набоков стремится подчеркнуть исключительность своих героев, которая сводится на нет, если инцест оказывается семейной нормой в их роду. Не замеченным остался исследователями генеалогии героев романа, что они являются родственными последовательно в трех степенях — они троюродные, двоюродные и родные брат и сестра. Они переживают всех своих родных и круговым образом замыкают два рода, начавшиеся из одного источника, в их лицах вновь воссоединившихся и на них оборвавшихся.

Если к «Аде» приложено генеалогическое древо, которое хотя и вводит в заблуждение относительно истинного родства Вана и Ады, но частично помогает разобраться в запутанном родословии двух породнившихся семейств, то в последнем набоковском романе «Посмотри на арлекинов!» авторское руководство на счет родства между кн. Вадимом Вадимовичем и его женами в романе отсутствует. Однако существующие в романе намеки на инцестные отношения заставляют его искать и в конечном итоге находить, опираясь на сумму недосказанностей, скрытых намеков, вшифрованных ассоциаций и т.д., т.е. вступая в игру по правилам, установленным автором, которые уже знакомы читателям его

предшествующих романов. Прежде всего мы учитываем заданную метафоричность генеалогии и повествования в целом, на что указывает рассказчик перед тем, как начать знакомство со своей родословной: «Собственно ценность настоящих воспоминаний по преимуществу определяется тем, что они являют catalogue raisonне [комментированный каталог — фр.] корней, истоков и извилистых родовых каналов множества образов моих русских и особенно английских произведений».

С применением приемов и методов работы с генеалогическими источниками, как печатными, так и архивными, были установлены адресаты таких стихотворений Пушкина как «Н. Н. Примите «Невский альманах» (Анна Н. Вульф), «Питомец моря смелый...» (О. Е. Коцебу), идентифицирован автор дневника, в котором есть записи о встречах с Пушкиным периода Михайловской ссылки (Ф. М. Лодыгин, адъютант генерала И. А. Набокова, двоюродного прадеда писателя, женатого на сестре И. И. Пущина), удалось проследить родственные связи Набокова с лицами ближайшего окружения Пушкина. Оказалось возможным идентифицировать «безымянных» Пушкиных, которые выведены поэтом в «Истории Пугачева» и «Истории Петра Великого». Прослежена роль предков Пушкина в событиях русской истории XVIII в., чем продолжен знаменитый труд академика С. Б. Веселовского, остановившегося в своей работе «Род и предки Пушкина в русской истории» на конце XVII в. Выявлен также характер их отражения в исторических трудах самого Пушкина. Такое же исследование проделано в отношении предков Набокова и установлено их пересечение с предками Пушкина. Прослежены родственные связи Пушкина с русскими писателями XVIII-XX вв. (от А. Кантемира до В. Набокова), их обращения к проблемам дворянства в России. В центре внимания при этом оказывался анализ соотношения реальности и ее воплощения в художественном тексте. Эта проблема встала перед Набоковым не только как перед художником, но и как комментатором и исследователем творчества Пушкина и, прежде всего, романа «Евгений Онегин».

»Д

В 1964 г. увидел свет перевод на английский язык романа «Евгений Онегин» и комментарий к нему, выполненные В. В. Набоковым. Самый объем комментария составляет свыше 1100 страниц и является, таким образом, самым обширным этого рода исследовательским трудом, посвященным главному пушкинскому произведению. От начала работы

над ним в 1949 году и до его издания прошло пятнадцать лет «кабинетного подвига», по выражению Набокова. В Предисловии к своему труду Набоков пишет: «В своем Комментарии я попытался дать объяснения многим специфическим явлениям. (...) Без сомнения, невозможно даже приблизиться к исчерпывающему исследованию вариантов “Евгения Онегина” без фотостатов пушкинских рукописей, которые по понятным причинам недосыгаемы».

Почти сразу же начавшиеся споры по поводу набоковского «Онегина» не прекращаются до сих пор. Как бы желая поставить точку в развернувшейся полемике, Нина Берберова в книге «Курсив мой» пишет: «В 1964 году вышли его комментарии к “Евгению Онегину” (и его перевод), и оказалось, что не с чем их сравнить: похожего в мировой литературе нет и не было, нет стандартов, которые помогли бы судить об этой работе. Набоков сам придумал свой метод и сам осуществил его, и сколько людей во всем мире найдется, которые были бы способны судить о результатах? Пушкин превознесен и... поколеблен» По ее мнению Набоков, как она пишет: «И сам себя “откомментировал”, “превознес” и “поколебал” — как видно из приведенных цитат его стихов за двадцать четыре года»¹. Это самое тонкое наблюдение, которое было сделано относительно набоковского «Комментария», но абсолютно не получившее дальнейшего развития.

Корней Чуковский сделал попытку суждения о работе Набокова в статье «Онегин на чужбине», оставшейся незавершенной. «В своих комментариях, — пишет Чуковский, — Набоков обнаружил и благоговейное преклонение перед гением Пушкина, и эрудицию по всем разнообразным вопросам, связанным с “Евгением Онегиным”»². Вместе с тем, Чуковский укоряет Набокова в том, что в своих построениях он старается изыскать французские или английские первоисточники пушкинской фразеологии, хотя именно указания на них автор комментария считал важнейшей его составной частью. Публикуя работу своего деда, Е. Чуковская не случайно оговорила следующее; «Для его критического метода вообще характерно строить свои статьи так: сначала с большим преувеличением развить и утвердить одну какую-то мысль, а затем — другую, как бы противоположную ей, а в конце, в заключении объединить обе в совершенно ясном, хотя и сложном синтезе»³.

¹ Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 375-376.

² Чуковский К.И. Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. № 4. С. 251.

³ Чуковская Е. Там же. С. 256.

Следуя обозначенной согласно гегелевской триаде методологии Чуковского, можно предположить, что речь в дальнейшем пошла бы у него о мировой отзывчивости Пушкина при совершенном, вместе с тем, национальном его своеобразии. Ведь Набоков своими настойчивыми параллелизмами как раз и включает Пушкина в великий поток мировой литературы, нисколько при этом не умаляя его индивидуальной и национальной самобытности. Парадокс подобного видения Пушкина характерен тем, что, рассматривая творчество поэта сквозь призму достижений ведущих европейских писателей, Набоков именно возвеличивает Пушкина, не оставляя его особняком на мировой литературной обочине.

Еще одной особенностью набоковского комментария является то, что его автор отнюдь не ограничивается разбором онегинского текста. Литературоведческие пассажи Набокова затрагивают практически все значительные произведения Пушкина, этапные, прежде всего. Так, комментируя вариант 5 стиха IV-ой строфы главы Второй «Евгения Онегина» — «Свободы “сеятель пустынный”» — Набоков полностью приводит стихотворение 1823 г., начинающееся этим стихом. Он дает его в своем переводе на английский, а в тексте основного комментария пишет: «В расцвете своих лет многие люди — поэты, монархи и прочие — стремятся исправить мир затем только, чтобы потом превратиться в хладнокровных консерваторов или замшелых деспотов». При решении вопросов, связанных с периодизацией творчества Пушкина, оценка места, которое занимает в нем стихотворение «Сеятель», имеет принципиальное значение. Стихотворение, знаменовавшее собою выход поэта из духовного кризиса, выбор нового пути внутренне свободного поэта-пророка, изменение пушкинской позиции, зафиксированное им, означало и изменение творческого метода. Стихотворение «Сеятель» обнаруживает те признаки, которые позволяют говорить о том, что оно завершает собой романтический этап в творчестве Пушкина. Именно это значение стихотворения «Сеятель» фиксирует Набоков, уделяя ему внимание, превышающее на первый взгляд необходимость собственно комментария. Только понимание замысла Набокова-комментатора, продуманной структуры его труда, позволяет объяснить многие отступления от прямого комментирования текста Пушкина.

Один из показательных в этом плане примеров находится в комментарии к зачеркнутому варианту 8 стиха XI строфы главы Второй романа, прочитывающийся: «Eregi monumentum я...». В комментарии к нему Набоков приводит полный текст стихотворения Державина «Памятник»

и пушкинского «Памятника» в переводе на английский и даже разбор полемики по поводу «Александрийского столпа». Анализ одной из частностей «Комментария» Набокова, каковой является его обращение к Державину, позволяет сделать вывод, что оно представляет собой не отдельные, независимые друг от друга элементы, но единое строго художественно продуманное целое, во взаимных перекличках и логических взаимодействиях. Концепция этого целого покоится на анализе трудов предшественников, сочетающемся с оригинальными собственными подходами Набокова к решению давних литературоведческих споров.

Сверхизбыточным может показаться и комментарий на нескольких страницах к упоминанию в отвергнутом варианте 7-10 стихов XXVI строфы Осмой главы Аннет Олениной и ее отца («нулек на ножках»). В него включены полные тексты стихотворений «оленинского цикла»: «Ее глаза», «Увы! Язык любви болтливый», «To Dawe Esqr (Зачем твой дивный карандаш...)». Такое внимание к «оленинскому циклу» можно объяснить причинами, равно важными в системе набоковских координат. Первая связана с тем местом, которое этот цикл занимает как первый поэтический любовный цикл не только в творчестве Пушкина, но в русской поэзии вообще. Тенденции любовной лирики, обозначенные в нем, проявились в полной мере в последующей русской поэзии, прежде всего XX века. Вторая причина та, что только у одного поэта, В. Набокова, всю жизнь настраивавшего свое творчество на «чистейший звук пушкинского камертона», этот цикл отозвался еще и в самой судьбе.

В поэтических сборниках «Горний путь» и «Гроздь» автор проецирует свой неудачный роман со Светланой Зиверт на также неудачный роман Пушкина с Аннет Олениной, дважды прямо называя их имена. Второй раздел сборника «Горний путь», представляющий собою цельный любовный цикл из двенадцати стихотворений, озаглавлен «Ты» — с ориентацией на пушкинское стихотворение «оленинского цикла» «Ты и вы». Ирония судьбы, к которой так внимательны были оба поэта, проявилась в том, что Анна Оленина вышла замуж за Андро де Ланжерона, а Светлана Зиверт — за их правнука, носившего ту же фамилию. Набоков, уже до конца познавший иронию судьбы, обыгрывает ее фамилию в своем романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта», где его героя, гениального писателя, очередного двойника автора, отвергает Нина Лесерф, фамилия которой в переводе с французского означает Олень.

Особое место в Комментариях уделяется дуэли Онегина и Ленского, которая для Набокова ассоциировалась с последней дуэлью самого Пушкина. Своим студентам он даже рисовал схему дуэли, подобная которой

приводится в письме Набокова (периода работы над «Онегиным») американскому другу профессору Эдмунду Уилсону от 4 января 1949 г. с замечанием: «Ты допустил ужасную ошибку при разборе дуэли между Онегиным и Ленским». «Говорят, что человек, которому отрубили по бедру ногу, долго ощущает ее, шевеля несуществующими пальцами и напрягая несуществующие мышцы. Так и Россия еще долго будет ощущать живое присутствие Пушкина». Это жесткое, но по-набоковски точное сравнение восходит к вставному очерку из последнего его русского романа «Дар», где порожденный фантазией писателя мнимый автор этого очерка А.Н. Сухощеков рассказывает о происшествии с неким господином Ч., много лет жившим вне России и попавшим по приезду в Петербург на представление «Отелло». Когда, указывая приезжему на смуглого старика в ложе напротив, доверительно шепчут: «Да ведь это Пушкин», — он поддается мистификации. Театральное действо о ревнивом венецианском мавре, знакомый образ поэта с африканскими чертами и смуглый незнакомец сливаются в единое целое — и неожиданно сам рассказчик оказывается во власти пленительной иллюзии: «Что если это впрямь Пушкин в шестьдесят лет, Пушкин, пощаженный пулей рокового хлыща, Пушкин, вступивший в роскошную осень своего гения».

В связи с дуэльной темой в «Онегине» в творчестве Набокова дальнейшее развитие получает мотив, обозначенный для него в автобиографическом плане в связи с отцом. Границы взаимных отражений точно обозначить нельзя — они размыты до той степени, что читатель с трудом отделяет реального отца писателя от вымышленного отца героя романа «Дар». В «Других берегах» Набоков описывает свое состояние, когда, узнав о предстоящей дуэли отца, он в оцепенении едет домой, переживая «все знаменитые дуэли, столь хорошо знакомые русскому мальчику»: Грибоедова, Лермонтова, но прежде всего Пушкина и даже Онегина с Ленским: «Пистолет Пушкина падал дулом в снег. <...> Я даже воображал, да простит мне Бог, ту бездарную картину бездарного Репина, на которой сорокалетний Онегин целится в кучерявого Собинова». Этот художнический пассаж несколько раз варьируется Набоковым, в том числе в комментариях к «Евгению Онегину». Подобные выпады в полной мере выражают отношение Набокова к проблеме увековечения памяти поэта, трактовке его наследия, в которой должна быть правда искусства, а не ее правдоподобие. Трагическая от пистолетного выстрела не на дуэли смерть отца ассоциируется для сына со смертью Пушкина. Да и вся жизнь отца воспринимается Набоковым идентичной жизни Пушкина, выше всех «громких прав» поставившего понятие чести и свободы личности.

И в романе «Дар» у его героя поэта Федора Константиновича Годунова-Чердынцева (сама фамилия которого кажется восходит к пушкинским текстам) Пушкин, его жизнь и смерть ассоциируются с отцом: «Пушкин входил в его кровь. С голосом Пушкина сливался голос отца. (...) Мой отец мало интересовался стихами, делая исключение только для Пушкина: он знал его, как иные знают церковную службу, и, гуляя, любил декламировать». Годунов-Чердынцев хорошо помнил, как и его создатель, что «няню к ним взяли оттуда же, откуда была Арина Родионовна, — из-за Гатчины, с Суйды: это было в часе езды от их мест — и она тоже говорила “эдак певком”».

Свою собственную жизнь писатель и комментатор Набоков также соизмеряет с биографией Пушкина. Он подчеркивает, что родился спустя ровно сто лет после Пушкина, в 1899 году, что няня его из тех же краев, что и няня Пушкина. Комментируя строфы первой главы относительно воспитания Онегина, Набоков сообщает, что в детстве он, как Онегин, жил в Петербурге, что у него, как у Онегина, был гувернер, который его также водил в Летний сад на прогулку. Эти параллели дороги писателю, хотя могут показаться неуместными в жанре комментария. Именно этот частный комментарий отметил К. Чуковский в статье «Онегин на чужбине», говоря о том, «что в своих комментариях к Пушкину Набоков видит комментарии к себе самому, что для него это род автобиографии, литературного автопортрета...». Чуковский с разрядкой цитирует еще один автобиографический или генеалогический пассаж Набокова по поводу известного упоминания в романе адмирала А. С. Шишкова: «Адмирал Александр Семенович Шишков... президент Академии наук и двоюродный брат моей прабабушки» и замечает в связи с этим: «Если бы какой-нибудь другой комментатор поэзии Пушкина в своем научном примечании к “Евгению Онегину” позволил себе сообщить, какая была у него, у комментатора, бабушка, это вплетение своей собственной биографии в биографию Пушкина показалось бы чудовишной литературной бестактностью. Но для Набокова, который видит в комментариях к “Евгению Онегину” одно из средств самовыражения, самораскрытия и стремится запечатлеть в них свое «я», свою личность с той же отчетливостью, с какой он запечатлевает ее в своих стихах и романах, совершенно естественно рассказывать здесь, на страницах, посвященных «Онегину», что у него, у Набокова, была бабушка, баронесса фон Корф и дядюшка Василий Рукавишников, после смерти которого он, Набоков, получил в наследство имение Рождественно, что имение это примыкает к другим, тоже очень живописным

имениям, принадлежавшим его родителям и близкой родне»⁴. Рассказывається в комментариях, что также не прошло мимо внимания Чуковского, что в Батово, одном из этих имений, юный Набоков «в шутку дрался на дуэли с одним из своих кузенов». Этот поворот дуэльной темы также служит отголоском пушкинских дуэльных ситуаций.

Отмеченный интерес к собственным предкам проявился у Набокова под влиянием погружения в Пушкина как раз тогда, когда он работает над комментарием к «Евгению Онегину». Именно параллельно с этим трудом пишет и издает Набоков свои автобиографические повествования «Conclusive Evidence» (1951), «Другие берега» (1954) и, наконец, после выхода комментария «Speak, Memoirs» (1966). Не сословный снобизм, но определенные художественные установки, а также благородная гордость историей своего рода двигали Набоковым, когда он влетал ее в свои создания, следуя пушкинским принципам. На уровне сопоставления родовых интересов двух великих писателей, сопоставления приемов и методов их отражения в творчестве в наибольшей мере обнаруживается их литературное родство или точнее преемственность.

Мимо внимания Набокова прошел занимательный генеалогический пассаж, который бы не мог его не заинтересовать и который, скорее всего, нашел бы себе место в комментарии. Дело в том, что любимый из кузенов Набокова Юрик — Георгий Евгеньевич Рауш фон Траубенберг доводился двоюродным братом потомкам знаменитого крестника Петра I, а также прямым потомком генерала Михаила Михайловича Траубенберга, гибель которого во время «яицкого замешательства» помянул Пушкин в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева».

Публикации Набоковым «Комментария» предшествовало появление его работы «Пушкин и Ганнибал», в который она влилась затем в виде приложения. Подобно тому, как Пушкин вкрапляет в текст романа биографические отступления, Набоков вставляет их в текст своего комментария. Помимо автобиографических вставок набоковский комментарий, как и роман Пушкина, отличает обилие отступлений на различные темы. Одно из таких отступлений уже не вмещается в основной текст и выделяется в приложение «Пушкин и Ганнибал». Будущее приложение к комментарию явилось в виде отдельной статьи, напечатанной в июле 1962 г. в журнале «Encounter» («Полемика»). Эта фактически разросшийся комментарий к I строфе первой главы романа, а, точнее, всего к одному стиху — «Под небом Африки моей» и примечанию к нему самого Пушкина в первом издании главы. Скрупулезно Набоков-пушкинист иссле-

⁴ Чуковский К. И. Онегин на жубине... С. 254.

дует проблемы, связанные с биографией экзотического прадеда Пушкина, его исторической родиной — прародиной поэта. Решение частной комментаторской задачи трансформировалось в самостоятельный научный поиск, необходимым условием которого для Набокова является отказ от груза заключений своих предшественников, сколь бы авторитетны они ни казались. Одно из интересных наблюдений Набокова заключается в том, что Пушкин никогда не писал об абиссинском происхождении своего предка. Причина этого, по мнению Набокова, заключается в том, что при упоминании Абиссинии могла возникнуть нежелательная ассоциация с популярным романом английского писателя С. Джонсона «История Расселаса, принца абиссинского» (1759), переведенным на русский язык в 1795 г.. Действительно, Пушкину вполне хватало истории с «негритянским принцем» из болгаринского пасквиля 1830 г. Набоков намекает в своей работе на то, что сама «Немецкая биография» Ганнибала, которой пользовался Пушкин, имела в качестве своего литературного источника «Расселаса» Джонсона. Зять Ганнибала и его биограф А. К. Роткирх имел возможность воспользоваться немецким переводом «Расселаса», сделанным самим Фридрихом Шиллером и изданным в 1785 г. Заметим, что подлинник «Немецкой биографии» написан на бумаге 1786 г. Знакомство самого Пушкина с «Расселасом» для Набокова несомненно: в библиотеке Пушкина имелся английский текст романа 1822 г.. Таким образом неслучайно, разобрав всевозможные версии происхождения Ганнибала, Набоков делает «ход конем», пишет, что «современник доктора Джонсона, прадед Пушкина, родился практически в «долине Расселаса», у подножия совмещенного памятника эфиопской истории и французской нравоучительной литературе XVIII в.», что Абрам Ганнибал приходился внуком «Расселасу доктора Джонсона». «Мечтаниями» называет Набоков эту свою литературно-этнографическую гипотезу, которая, впрочем, имеет такое же право на существование, как и те, которые родились в лоне «семейственных преданий» Ганнибалов-Пушкиных.

Другой аспект этого комментария касается основного его вопроса — о родине Ганнибала. В результате подробного анализа эфиопского происхождения А.П. Ганнибала Набоков парадоксально заключает свое подробное исследование словами, которые, как оказалось, явились провидческими: «Было бы пустой тратой времени гадать, не родился ли Абрам вообще не в Абиссинии; не поймали ли его работоторговцы совершенно в другом месте — например в Лагоне (в области Экваториальной Африки, южнее озера Чад, населенной неграми-мусульманами)...» Этот

пассаж привлек внимание современного исследователя родом из Африки Дьедонне Гнамманку, который убедительно доказал, что именно этот город Лагон (на территории современного Камеруна) на одноименной реке, южнее озера Чад и есть родина прадеда Пушкина. Это может быть самый яркий, но отнюдь не единственный пример того, как набоковский комментарий дает импульс дальнейшему исследованию, в данном случае вопроса, который так занимал самого Пушкина. Оно посвящено прежде всего генетическому коду, вписанному самой природой в Пушкина. Строки Пушкина из комментируемой строфы («Под небом Африки моей, // Вздыхать о сумрачной России») Набоков перефразирует в «Других берегах», выговаривая себе право «В горах Америки моей вздыхать о северной России». Так через пушкинские стихи о неведомой прародине Набоков выражает свою тоску об утраченном отечестве. «Призрак невозвратимых дней», говоря словами Пушкина, будет преследовать Набокова всю жизнь.

Другого рода отступление в труде Набокова — это развернутый комментарий к XXXIII строфе Первой главы: «Я помню море пред грозю...». Как бы следуя пушкинской манере отступлений в романе, Набоков выделяет один мотив, акцентированный и у Пушкина, мотив «утраченной любви», или, как определил его Набоков, «поиск реальной женщины, к чьей ножке подошел бы этот хрустальный башмачок — 33-я строфа». На роль этой сказочной Золушки, если вспомнить труды нескольких поколений пушкинистов, претенденток более чем достаточно. Декларируя, что поиск прототипов дело безнадежное, Набоков, тем не менее, погружается в это безбрежное море, приведя читателя в конце концов к тому выводу, что одной лишь претендентки на этот башмачок не существует, что их по меньшей мере две, если даже не четыре. Казалось бы, чего проще сразу сделать тот вывод, который и завершил в итоге это отступление, но тогда Набоков не был бы самим собою, тем мастером, которого мы знаем по другим его созданиям, а комментарий утратил бы свою прелесть, выпал бы из набоковского ряда. В том-то и дело, что автору дорог сам процесс поиска, приведение аргументов и контраргументов, сбор доказательств и их опровержение. Если круг реальных претенденток у Набокова относительно узок (он вполне мог бы быть расширен за счет множества гипотез), то круг предшественников Пушкина в этом плане представляется достаточно обширным. Еще во втором столетии нашей эры, уточняет комментатор, мотив «волн и ножек» стал обрабатывать Люций Апулей, трудился над ним Лафонтен и Бен Джонсон, Томас Мур и Байрон, Ламартин и Гюго, наконец, из рус-

ских Ипполит Богданович. Такая цепочка предшественников Пушкина может смутить кого угодно из ревнителей самобытности Пушкина, но только не Набокова. Он убежден, что нисколько не умаляет оригинальности, а главное достоинств пушкинской поэзии тем, что с последовательным упорством (по мнению оппонентов Набокова, достойным лучшего применения) изыскивает всевозможные источники тех или иных пушкинских тем, мотивов, образов, пассажей и даже литературных оборотов. На необработанном поле взойти могут, считает комментатор, разве что сорняки, а никак не первоклассные плоды, каковыми Набоков называет пушкинские творения. Знаменательно и то, что в этом фрагменте комментарий выразилась общая его тенденция — принципиального отказа от поиска реальных прототипов лирических героев, которая нашла себе поддержку в позиции ведущих отечественных пушкинистов, хотя и они, подобно Набокову, порою пытались уловить тени, отраженные некогда в зеркале пушкинского гения. Удивительна в этом отношении его способность прозреть то, что ему в силу обстоятельств было недоступно.

Первым из отечественных пушкинистов, кто откликнулся на набоковский комментарий, сделал ссылки на него в своих работах как само собою разумеющееся, еще до снятия с Набокова запрета, был академик М. П. Алексеев. В своей статье «Эпиграф из Э.Бёрка в “Евгении Онегине”» он отметил, в частности, роль Набокова в установлении источника этого первоначального эпиграфа к первой главе романа, «уделившего несколько интересных страниц эпиграфам к пушкинскому роману, в том числе и опущенным...»⁵ По мнению Набокова, высказанному им в самом начале «Вступления», пушкинский роман — «это прежде всего явление стиля, и с высоты именно этого цветущего края я окидываю взором описанные в нем просторы деревенской Аркадии, змеиную переличатость заимствованных ручьев, мельчайшие рои снежинок, заключенные в шарообразном кристалле, и пестрые литературные пародии на разных уровнях, сливающиеся в тающем пространстве».

В своей работе Набоков использовал все, что оказалось ему доступным в американских библиотеках, а это практически все, что было сделано к тому времени в отечественном и мировом пушкиноведении. Сделано было очень много, но тем не менее Набоков представляет множество открытий, уточнений, прежде всего в связи с источниками тех или иных пушкинских мыслей, образов, цитат и реминисценций. Стремление Набокова найти, объяснить то, что не удалось сделать никому до

⁵ Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 565.

него, дало множество открытий. Что, казалось бы, нового можно было добавить к комментарию по поводу истории Лицея и происхождения его названия, столько об этом уже было написано. Но, несмотря ни на что, Набоков сделал и это. Даже снисходительно не помяная само собою подразумеваемого предместья Афин — Ликия, где некогда Аристотель обучал юношество, предназначенное к государственному служению, Набоков указывает на несомненно более близкого предшественника пушкинского Лицея: «Название “лицей” происходит от парижского Лусее. В 1781 г. Жан Франсуа Пилатр де Розье (р. 1756) организовал в Париже учебное заведение, названное “Музей” (Musée), где преподавались естественные науки. Затем, после гибели Розье в катастрофе на воздушном шаре, в 1785 г., Музей был реорганизован и получил название Лицей, куда и пригласили Жана Франсуа де Лагарпа преподавать всемирную литературу. Он читал этот курс в течение нескольких лет, а затем издал свой знаменитый учебник (1799 — 1805) “Лицей, или Курс старой и новой литературы”, которым пользовались в Александровском Лицее через восемь лет после смерти автора». Интересно и то, как чудесный мастер разгадывать загадки, искусство немаловажное при комментаторской работе, Набоков определяет истинное значение лицейского прозвища Пушкина «Француз», пользуясь в качестве ключа пояснением поэта к нему — «смесь обезьяны с тигром»: «Я обнаружил, что Вольтер в “Кандиде” (гл. 22) характеризует Францию как “ce pays ou des singes agacent des tigres” («страну, где обезьяны дразнят тигров»), а в письме к мадам дю Дефан (21 ноября 1766 г.) использует ту же метафору, разделяя всех французов на передразнивающих обезьян и свирепых тигров. В дополнение Набоков указывает и на то, что даже галлофоб, адмирал Шишков использовал эту метафору в своей прокламации об отступлении Наполеона из Москвы.

Одна из интересных гипотез Набокова касается предполагаемой дуэли двух поэтов — Пушкина и Рылеева, намек на которую содержится в письме первого А. А. Бестужеву 24 марта 1825 г.: «...Жалею очень, что его не застрелил, когда имел случай — да черт его знал». По этому поводу Набоков пишет: «Моя гипотеза состоит в том, что приблизительно 1 мая 1820 г. Рылеев в своем антиправительственном угаре пересказывал слух о порке как о свершившемся факте (к примеру, так: «Власти нынче секут наших лучших поэтов!») и что Пушкин вызвал его на дуэль, что секундантами были Дельвиг и Павел Яковлев и что дуэль произошла между 6 и 9 мая в окрестностях Петербурга, возможно, в имени матери Рылеева Батово». Эта набоковская гипотеза имеет право на суще-

ствование хотя бы потому, что она покоится, как минимум, на трех основаниях: первое — процитированное письмо Пушкина; второе — дневниковая запись точного во всем поэта от 9 мая 1821 г.: «Вот уже ровно год, как я оставил Петербург» (хотя общеизвестно, что Пушкин выехал из Петербурга 6 мая 1820 г.); наконец, два друга, провожавшие Пушкина, вполне могли выступить в роли секундантов. Не исключено, что Пушкин действительно со своими друзьями заехал в Батово с намерением получить удовлетворение, но даже если это так, то все закончилось примирением, и только 9 мая Пушкин продолжил путь. Набоков пишет и о живучей легенде о том, что в одном из уголков батовского парка происходила дуэль. Косвенно подтверждает набоковскую версию и семейное предание рода Черновых, соседей Рылеевых по имению и их родных, о том, что в Батово состоялась дуэль Пушкина с Рылеевым.

Несмотря на абсолютную недоступность для Набокова автографов Пушкина, которые все практически сосредоточены в России, ему, как это ни покажется парадоксальным, удалось правильно прочитать несколько трудных мест в рукописях, исправить прежние прочтения или предложить свою гипотезу чтения спорных мест. Набокову удалось собрать и проанализировать все воспроизведенные в различных изданиях рукописи Пушкина. К примеру, удалось правильно прочесть в строфах второй главы романа, посвященных карточной игре, но не вошедших в окончательный текст, латинские карточные термины. В последних стихах одного из вариантов XVII строфы читалось: «sept il va». Набоковское прочтение «sept et va» (буквально — семь и ставка) исходит вовсе не из того, что ему удалось прочесть в копии зачеркнутые слова, которые не могли прочесть в оригинале те, кто имел к нему доступ, а из того, что он пошел другим путем — разобрался в принципах игры в фараон, последовательности в системе ставок, в результате чего дал единственно возможное прочтение. После того, как удалось установить термин теоретически, справедливость вывода нашла себе подтверждение в автографе. Точно также Набоков дал правильное прочтение другого карточного термина из белого варианта: вместо бессмысленного, по выражению Набокова, «quinze elle va» (пятнадцать она идет) предложив — «quinze et le va» (пятнадцать плюс ставка).

Вероятно следует принять во внимание и прочтение опущенного слова, обозначенного одной буквой «V» в тексте «Воображаемого разговора с Александром I», который привлекается к комментарию в главе второй. Вместо традиционного, но не вполне психологически основательного «Votre Majeste» (Ваше Величество), более логичное — «Мишорадович».

Другого рода текстологическая работа Набокова связана с зашифрованными строфами X-ой главы, обойти которую Набоков никак не мог, исходя из свойственного ему интереса ко всякого рода шифрам, интереса, определившего весьма существенный компонент его поэтики. Представляется, что подключение Набокова к дешифровке знаменитых строф дало положительный результат. Еще в 1957 г. в «Заметках переводчика» Набоков написал: «Тщательное изучение фотостатов привело меня к новым выводам насчет расположения строк в зашифрованных Пушкиным (поспешно, кое-как, и несомненно по памяти — что можно доказать) фрагментах главы десятой, которую он читал друзьям наизусть, начиная с декабря 1830 г.» Утверждение, что Пушкин шифровал строфы по памяти, Набоков обосновывает в тексте комментария, приводя доводы психологического характера. Помимо этого, дешифровывая пушкинскую криптограмму, как Набоков называет рукопись, он указывает на существование не шестнадцати, а семнадцати зашифрованных строф, так что известная незашифрованная строфа «Сначала эти заговоры...» занимает, по его мнению, восемнадцатое место. Кроме этого, Набоков в стихе «Кинжал Л <?>, тень Б <?>» в последнем случае предлагает чтение «Бертон»: «Это генерал Бертон (Jean Baptiste Berton, 1769-1822), нечто вроде французского декабриста, героически и легкомысленно восставший против Бурбонов и взошедший на плаху с громовым возгласом “Да здравствует Франция, да здравствует свобода!”». Одним из аргументов Набокова в пользу этой версии является то, что сам Пушкин в параллельно написанной в 1830 г. заметке о выходе в свет поддельных записок палача Шарля Сансона поставил рядом имена Лувеля (имя которого давно признано занимающим место в том же стихе под литерой «Л») и Бертона.

Самым же интересным оказывается предложение Набокова считать четыре стиха второго столбца левой страницы пушкинского зашифрованного текста не девятью стихами, как до настоящего времени принято, а пятью, что безусловно логичнее рядом с первыми четырьмя стихами приведенных в нем строф. Доводы Набокова столь убедительны, что их следовало бы признать, внося соответствующие поправки в публикацию фрагментов десятой главы. Не случайно на полях экземпляра набоковских комментариев, принадлежащего К. И. Чуковскому, по словам его внуки, сохранились многочисленные пометки: «ново для меня», «ново».

Теперь нам стал доступен Набоков, мы открываем в нем не только художника, но и ученого, заставляющего нас по-иному взглянуть на

Пушкина и его роман. В целом, если говорить о набоковских комментариях, примечательными оказываются даже не те открытия и наблюдения, которые явились плодом длительных и кропотливых научных изысканий, но те, которые не мог сделать никакой другой исследователь, кроме Набокова, чей писательский дар позволил ему проникнуть в области, порою недоступные критике.

Комментирование «Евгения Онегина» шло параллельно с работой над собственными романами, следы чего отчетливо проявились в них. Так, письмо, адресованное Шарлоттой Гейз, матерью Лолиты, Гумберту Гумберту является не чем иным, как пародией на письмо Татьяны к Онегину. В ту пору, когда пишется «Лолита», Набоков параллельно работает над комментарием к «Онегину», все глубже постигая его тайны. Отпечаток онегинских уроков отчетливо проявляется и в романе «Пнин», который также писался параллельно с комментарием к «Онегину».

Мимо внимания как зарубежных, так и отечественных комментаторов «Лолиты» не прошли и другие аллюзии и отсылки к «Евгению Онегину». Так по отношению к Шарлотте, сидящей за рулем автомобиля, Набоков иронически применяет шутовское обыгрывание имени Автомедона, возницы Ахиллеса из «Илиады» Гомера, в седьмой главе «Онегина»: «Автомедоны наши бойки // Неутомимы наши тройки».

Куильти в русской версии цитирует Пушкина в сцене с Гумбертом: «...у меня сейчас маловато в банке, но ничего, буду жить долгами, как жил его отец по словам поэта». Относка к Пушкину служит лакмусовой бумажкой в оценке происходящего у Набокова — в данном случае как бы выносятся приговор: по долгам надо платить. Не абсолютизируя какой-то один литературный подтекст романа, что в корне противоречило бы поэтике Набокова, обращаем внимание на роль и место «онегинских» отсылок в «Лолите».

Аналогичная ситуация происходит относительно пушкинских аллюзий в романе «Подвиг», в котором ряд исследователей, в первую очередь, Нора Букс, прослеживая пушкинские подтексты, установили, что «онегинские» мотивы не просто доминируют в интертекстуальной игре романа, но оказываются структурообразующей и смысловой доминантой романа. В «Подвиге» фигура швейцарского дядюшки и тень умершего отца задали тон и связали текст с первой главой «Евгения Онегина». Автореминисценция с романом «Подвиг» в «Лолите» представляет

ся достаточно прозрачной. Дядюшка в романе «Подвиг» — американец швейцарского происхождения. Об отце нет упоминаний после того, как герою исполняется четырнадцать лет, а мать он потерял еще ранее. То же в романе Пушкина — о матери Онегина нет вовсе упоминания. Евгений выглядит сиротой. Сиротой в благополучном мире на Ривьере, не менее благополучном, чем мир дворянского Петербурга, вырастает юный Гумберт.

В поле притяжения онегинского комментария оказался и роман «Пнин», вышедший в 1957 г., когда практически был завершен титанический труд Набокова над пушкинским романом. Письмо Лизе профессора Пнина из седьмой главы романа, «потрясающее любовное письмо», слова «Увы, боюсь, что только жалость родят мои признания...» — вызывают в памяти строки письма Татьяны. Жизнь Пнина, профессора русской литературы, также ориентирована на пушкинские координаты, как и жизнь профессора Набокова, преподававшего американским студентам Пушкина.

Сложная композиция романа «Бледный огонь», который писался параллельно с этапом завершения комментария, определилась его структурой. Американский набоковед С. Паркер, сопоставляя их построение, заметил, что в романе тоже были предисловие в стихах, перевод этого романа, «Бледный огонь», а потом обширнейшие, составляющие три четверти объема всего труда и едва ли не самые в нем интересные набоковские комментарии. Эта форма повторялась теперь на пародийном, усложненном уровне.

Во всех без исключения романах Набокова особенное внимание уделяется внутренней хронологии, что представляется также следствием уроков, полученных при постижении законов поэтики Пушкина. Интересно, что методологии понимания архитектоники набоковских романов помогают календарные принципы пушкинских произведений. Вот один пример.

Параллельно с завершением работы Пушкина над IX-ой главой «Евгения Онегина» (обратившейся затем в «Путешествие Онегина») и X-ой, сожженной, он создает «Повести Белкина». Если исходить из опыта изучения «Евгения Онегина», то «внутренней хронологии» повестей Пушкин несомненно должен был уделить особое внимание. Как мы помним, в авторском предисловии к роману сказано: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю».

Весь цикл повести создан в Болдине в 1830 г.: «Гробовщик» — 9 сентября, «Станционный смотритель» — 14 сентября, «Барышня-крес-

тьянка» — 20 сентября, «Выстрел» — 12, 14 октября, «Метель» — 20 октября. Таким образом хронологический принцип по времени создания повестей явно не определяет композицию цикла в целом. Сохранившаяся запись — список предполагаемых повестей цикла — дает несколько другую их последовательность и состав: «Гробовщик. Барышня-крестьянка. Смотритель. Самоубийца. Записки молодого человека». Последняя повесть дошла незавершенной и частью была использована в «Станционном смотрителе», «Самоубийца» — возможно повесть «Выстрел», какой она представлялась, вероятно, Пушкину в начале работы над циклом. В завершение, когда цикл пополнился повестью «Метель» и был готов к отправке в печать, первоначальный порядок в расположении его составляющих был изменен.

До настоящего времени у исследователей «Повестей Белкина» нет единства в отношении принципов, которые легли в основание окончательной композиции цикла. Только решение вопроса о времени действия отдельных повестей позволяет решить и проблему композиции цикла. Начиная с предисловия «От издателя», включающего в себя жизнеописание Ивана Петровича Белкина, изложенное в письме пожелавшего остаться неизвестным соседа по поместью, временным координатам уделено явно самое пристальное внимание: «1830 году Ноября 16. Село Ненарадово». Метель: «...Жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**». Поскольку старый ненарадовский помещик к 1830 г. уже умер, его единственная дочь Мария Гавриловна вышла замуж за отставного помещика Бурмина, который, таким образом, должен был получить в приданое Ненарадово. Он и есть друг Белкина и автор его жизнеописания. В этом жизнеописании Пушкин, его истинный автор, несколько раз изменяет даты рождения и смерти Белкина. В первой редакции, когда Белкин числился еще Петром Ивановичем Д., указано, что родился он в Москве в 1801 году, причем год выправлен из 1803-го. Во второй редакции И. П. Белкин родился уже в 1798 году в селе Горюхине. А в «Истории села Горюхина» не без улыбки уточнен и день рождения «много автора» — «апреля 1 числа». Дата смерти Белкина также четко обозначена: в черновике — «в пр.<ошлом> 1829 году ноября 16 дня {первоначально — 17 окт.} на 29 году от рожд.<ения>», в окончательном тексте — «осенью 1828 года (...) на 30-м году от рождения». Корректировка дат рождения и смерти И. П. Белкина обусловлена соотносительностью с другими датами цикла. Особо обращает на себя внимание то, что Белкин не доживает до тридцати лет, и эту раннюю смерть нельзя объяснить только необходимостью получения Издателем его

рукописей. Объяснение находится в отношении самого Пушкина к тридцатилетнему, роковому, в его представлении, возрасту человека, «полдню» жизни. Это отмечено известным авторским отступлением Главы шестой «Евгения Онегина»: «Ужель мне скоро тридцать лет?» Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью».

В «Станционном смотрителе» время и место начала действия при первой встрече рассказчика с Самсоном Выриным и его еще четырнадцатилетней дочерью обозначены следующим образом: «В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному». Вторая встреча происходит через «несколько лет», уточненная в дальнейшем рассказе титулярного советника — «три или четыре года», т.е., вероятнее всего, в 1820 году (время года не указано). Из рассказа Вырина выясняется, когда же Минский увозит Дуню — «Три года тому назад, однажды, в зимний вечер...». Это было в конце года, так как «смотритель разлиневывал новую книгу», стало быть в декабре 1817 года. В завершении рассказа Вырина эта дата подтверждается: «Вот уже третий год, заключил он, как живу я без Дуни, и как об ней нет ни слуху, ни духу». Точно не указывается, когда в третий раз рассказчик заезжает уже на бывшую почтовую станцию, но, по меньшей мере, года через полтора, ибо оказалось, что «старый смотритель с год как помер», но, скорее всего, прошло несколько лет, потому что уже «с тремя маленькими барчатами» приехала на могилу отца барыня Авдотья Минская.

Почтовая станция находилась на большом тракте между Смоленском и Петербургом. Об этом ясно говорит сам Самсон Вырин - «Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург». Расположена станция неподалеку от некоего города С***, куда посылают верхового за лекарем и куда отправился Вырин просить у «С*** почтмейстера отпуск на два месяца», чтобы отправиться пешком в Петербург за дочерью. Продолжительность полученного отпуска свидетельствует о дальности пути. Обозначение «местечко», от которого с тракта отправляется рассказчик к упраздненной станции, говорит о том, что расположено оно в Белоруссии, еще точнее в Витебской губернии, через которую пролегалла дорога из Смоленска в Петербург. Почтовые карты и дорожники пушкинского времени точно фиксируют все станции этого пути. Единственный город, название которого начинается на букву «С» на этом тракте, — это маленький городок Витебской губернии Сураж. Он был расположен на Киевском шоссе, к которому выходило две почтовые дороги от Смоленска. Этим путем проезжал и Пуш-

кин в мае 1820 года из Петербурга в Екатеринослав. По черновикам «Станционного смотрителя» прослеживается последовательность исправлений даты первого проезда рассказчика по этому тракту. В одном варианте сначала значился 1820-й год, в другом 1819-й, оба затем исправлены на 1816-й. В рукописи незавершенной повести <Записки молодого человека>, фрагменты которой были включены Пушкиным в «Станционного смотрителя», ее герой, юный прапорщик, выезжает 9 мая 1825 года Киевским шоссе из Петербурга в местечко Васильков. Поскольку именно из этой рукописи переносится Пушкиным в повесть «Станционный смотритель» красочное описание почтовой станции, то следует попытаться установить, на какую же станцию попадает прапорщик. В черновике упоминается первая станция от столицы София — «Дорогою от П.Б. до Софии...», вторая, неназванная, т.е. Гатчина — «На второй станции...», наконец, следующая, также неназванная — «Приехав на станцию, я отдал кривому смотрителю свою подорожную и потребовал скорее лошадей». Третья станция Киевского шоссе от Петербурга и была в Выре, рядом с которой расположено было некогда и имение Набоковых, что обыгрывает писатель в «Даре». Именно с Вырой связывается действие «Станционного смотрителя», в то время как анализ текста повести противоречит этому. Если попытаться назвать почтовую станцию, подходящую по всем данным к описанной Пушкиным, то ею может быть только станция Нижний Бор (современное название — Нижнеборье) на старом Киевском почтовом тракте, неподалеку от Суража. Через Нижний Бор проходил и путь из Смоленска в Петербург. Следующая станция в сторону Петербурга, на которой живет крестная мать Дуни, соответствует реальной — Шершнево. Через Нижний Бор и Шершнево сам поэт проезжал в мае 1820 года и в начале августа 1824 года. В повести село, где некогда располагалась почтовая станция, названо «селом Н.» С буквы «Н» начинается и название села Нижний Бор.

Выявленные и уточненные датировки отдельных сюжетов в цикле повестей позволяют сделать вывод и относительно композиции повестей в целом, последовательность которых определена, в частности, хронологическим принципом.

— Открывающая цикл повесть «Выстрел» по упоминаемым в ней событиям (лихая молодость уже тридцатипятилетнего Сильвио) соотносится с началом XIX в., довоенной порой. Самый же рассказ Сильвио воскрешает события уже послевоенные, весны 1815 года.

— Начало повести «Метель» относится к предвоенной поре, началу 1812 года, рассказчик завершает свое повествование развязкой, происходящей летом или в начале осени 1815 года.

— Рассказ в «Гробовщике» целиком относится к 1817 году.

— В «Станционном смотрителе», начало повествования относится к послевоенному 1816 году, а основной рассказ самого Самсона Вырина к 1820 году, но ведется о событиях конца 1817 года, когда Минский увозит Дуню.

— Действие «Барышни-крестьянки» целиком происходит уже в начале 1820-х годов и, таким образом, хронологически завершает цикл повестей.

В системе, определяющей время и место действия повестей, нет ничего случайного, всему находится объяснение в замысле каждой из них отдельно и всего цикла в целом. Как мы убедились, приемы введения в конструкцию повествования топографических деталей и хронологических координат в значительной мере развивают те, которые демонстрирует анализ с этой позиции романа «Евгений Онегин», они разнообразятся и отрабатываются в «Повестях Белкина», а затем прослеживаются в последующей прозе Пушкина, прежде всего в «Капитанской дочке».

Эти приемы изощренно усовершенствует и развивает Набоков.

Внутренняя хронология в его романах, начиная с «Машеньки», играет существеннейшую смысловую роль, хотя каждый раз с определенными нюансами, диктовавшимися общим замыслом того или иного произведения. Первый названный день всегда оказывался отправным, сигнальным. Так это было в «Машеньке» («Нынче уже воскресенье»), в «Даре» («первого апреля 192... года») и в других романах. В «Машеньке» концепционной установке романа отвечала несовместимость старого календаря, которым означен был мир «утраченного рая» Ганина, с новым календарем реального Берлина. В «Даре» выявляется другой род несовместимости — исторического времени и времени внутреннего, определяющего жизнь его героев. Полное торжество над временем и пространством демонстрируют только главные герои романа «Ада».

В творчестве Набокова в том случае, когда приводится дата рождения или смерти его героев, она никогда не оказывается случайной или бессмысленной. Безусловно символично рождение 31 декабря 1899 года на грани столетий писателя Себастьяна Найта, героя первого английского романа Набокова, одного из его alter ego. С днем рождения самого Набокова соотносятся многие события в его созданиях. К примеру 23 апреля по ст. ст. (именно в этот день по новому стилю отмечали день рождения Набокова) состоялось обручение в 1869 году Демона Вина и Аквы Вин в романе «Ада». Указание на эту дату отсутствует в романе, говорится о дне Святого Георгия, который отмечается 23 апреля. Сама

Ада родилась в день рождения Владимира Дмитриевича Набокова, отца писателя. Наконец, рождение Лолиты 1 января не только знаменательно по соотношению с первым днем года, но и по расчету ее зачатия в день обмана, 1-го апреля. Зачатие обыграно в романе как якобы следствие встречи Гумберта с Шарлоттой Гейз в апреле 1934 года. День обмана обыгрывается Набоковым не однажды, прежде всего в романе «Дар». День именин Вадима Вадимовича, героя последнего романа Набокова, приходится на 22 апреля, день рождения автора.

День 16 ноября по н. ст. (смерти Гумберта Гумберта) как будто бы не соотносится ни с какими знаменательными датами лично для автора. Только обращение к церковному календарю дает указание, которое можно интерпретировать в контексте романа. В этот день празднуется обновление храма великомученика Георгия Победоносца в Лидде, день главного поминовения которого приходится на 23 апреля. В восточно-европейском и ближневосточном ареале день 23 апреля отмечался как весенний праздник, сезонный рубеж скотоводческого календаря. В этот день исполнялись соответствующие песнопения, обращенные к Св. Георгию (или Егорию) такого типа, как, к примеру костромская: «... ты спаси нашу скотину в поле и за полем, в лесу и за лесом, под светлым месяцем, под красным солнышком, от волка хищного, от медведя лютого, от зверя лукавого». Св. Георгий также отвращает от человека змей, что отвечает его роли драконоборца. Согласно легенде, он побеждает змея-людоеда, которому на съедение отдана прекрасная дева. Св. Георгий выступает как рыцарственный заступник обреченной невинности. Этот сюжет был популярен и во времена крестовых походов на Западе и на древней Руси, использованный даже в гербе Москвы. Мимо внимания Набокова не могла пройти такая литературная обработка легенды в новое время, как поэма М. Кузмина «Св. Георгий», насыщенная культурно-историческими ассоциациями, столь близкими поэтике Набокова, а также его трактовке мотива драконоборчества с эротическим подтекстом. В пародийной роли Георгия, уничтожающего змия, покусившегося на невинность, выступает Гумберт, убивающий в длительном кровавом единоборстве Куильти.

В предисловии Джона Рэя сообщается: «Жена “Ричарда Скиллера” умерла от родов, разрешившись мертвой девочкой, 25-го декабря 1952 г., в далеком северо-западном поселении Серой Звезде». Во всем мире 25 декабря празднуется один из главнейших церковных праздников — Рождество Господне. Праздник совпадает с днем зимнего солнцестояния, с которым связывался поворот к весне, день ассоциировался в древности

с возрождением природы. С этим днем, как мы помним, связывается у Набокова действие 13-й главы романа. В концепции романа, его внутренней хронологии играет свою роль восприятие самого светлого дня в году — 22 июня, каким он рисуется и Набоковым, предвещающим, тем не менее, наступление Тьмы, а самого темного 25 декабря, как предвещающего Свет. С рождением Христа открывается возможность для спасения, вечной жизни и райского блаженства. В праздничном кондаке, звучащем в этот день в храме, поется: «Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Непрístupному приносит». Очевидна знаменательность смерти в родах Лолиты в день Рождества Христова.

Анализ внутренней хронологии романа демонстрирует неизменную точность в датах, соотнесение по годам чисел и дней недели, четкое, исполненное смысла вкрапление фиксированных дат, таких, как День Независимости и т.д. Введение некоторых дат, чисел, например, возраста Лолиты, рассчитанного в днях с абсолютной точностью в стихотворении Гумберта, соотнесение их между собою, требовало скрупулезных подсчетов. Ни разу Набоков не допустил ошибок. Б.Бойд полагает, что Набоков совершил просчет в отношении даты 16 ноября, смерти Гумберта. Между тем она никоим образом не произвольна, она укладывается в систему координат романа, имея смысловую, символическую нагрузку.

Если считать дни от 16 ноября, то оказывается, что на 25 декабря приходится Сорокоуст, то есть сорок дней со дня смерти Гумберта. По существующему преданию на третий день душа покидает тело умершего, на девятый отлетает от него, а на сороковой, судимая, переходит в рай или ад. То, что сороковой день со смерти Гумберта совпадает с днем смерти Лолиты и празднованием Рождества Христова, предопределяет посмертное ему возмездие: «земля вертеп Непрístupному приносит». В последних строках своих записок Гумберт выражает надежду на «единственное бессмертие», которое они могут обрести с Лолитой — «спасение в искусстве». Создатель «Лолиты» избавляет Гумберта от суда земного, но предает суду высшему.

Внутренняя хронология романа не перестает сходиться от начала до конца романа, а следовательно существует и объяснение в отношении 16 ноября. Самым логичным вариантом представляется следующий: Гумберт закончил свои записки к предстоящему судебному разбирательству, которое должно было состояться через «несколько дней», как сообщает Джон Рэй, но подсудимому конечно же известна точная дата суда и именно она является точкой отсчета на пятьдесят шесть дней назад. Иначе

говоря 19 декабря — это и есть день предстоящего суда, когда судьи должны были услышать слова: «Когда я начал, пятьдесят шесть дней тому назад, писать “Лолиту”...». На протяжении всех записок Гумберт постоянно обращается к будущим судьям, но его ждет Высший суд. Своей якобы ошибкой в счете Набоков в действительности приводит читателя к такому прочтению. Три как бы недостающих дня и есть те самые дни, которые душа еще содержится в сосуде смерти, теле умершего, а только затем отлетает от него. Спустя же сорок дней ей предстоит суд — в день Рождества Христова.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют структурообразующую роль календарных вех, знаменательных дат в поэтике Набокова. его стиле и глубоко продуманной концепции творчества в целом.

Прослеживаются три ведущие линии в концепции «Пушкин — Набоков»:

— биографическая, включающая в себя обращение к пушкинской биографии и проведение параллелей между собою и Пушкиным (мотивы генеалогических перекрестков, няни, дядюшки-поэта Василия Пушкина, роль которого выполняет дядя писателя Василий Рукавишников, крымских ориенталий, неудачного романа с Аннет Олениной - Светланой Зиверт и тд.);

— ингертекстуальная, определяющаяся развитием пушкинских мотивов, образов, наконец, тем, с применением целого ряда приемов, характерных для поэтики Пушкина, при этом пушкинские оказываются структуро- и сюжетообразующими, пронизывающими все творчество Набокова;

— идейная, ознаменованная приятием и утверждением в творчестве пушкинских эстетическо-нравственных и философских установок, постулата духовной свободы и других категорий миропорядка, сформулированных Пушкиным.

Ощущение Набоковым жизни как всего лишь «щели слабого света между двумя идеально черными вечностями» при невозможности заглянуть в будущее, заставляет его постоянно бросать взгляд в прошлое. Пушкин стоит в системе набоковских координат над жизнью, связующим начало и конец, поднимающимся над бытом и определяющим бытие. В многоуровневом повествовании Набокова особое, священное место занимает Пушкин. Вовсе не случайно в иерархии литературных оценок П. А. Вяземскому и многим другим достойным поэтам пушкинского окружения достается определение «третьеразрядный», представляю-

шеся неправомерно унижительным, если не принимать во внимание, что мерилом оказывается Пушкин, рядом с которым меркнут все другие дарования. Так поступает художник, рисующий портрет, именно портрет одного лица, а не групповой портрет. Эстетике Набокова, шахматного игрока, а точнее шахматного композитора, отвечает фигура Solus Rex (Одинокого Короля). Для Набокова, все утратившего в России, утвердившегося в иллюзорности возвращения «утраченного рая», есть одна необратимая, непреходящая ценность — Пушкин. Набоков создал своего Пушкина, выдвинутого на первый план во всем его творчестве. Уподобление Пушкину — вот цель творящего. Тем самым Набоков вносит свою лепту в мифологизацию Пушкина — «нашего всего».

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии:

1. Портреты и лица. XVIII — сер. XIX века. Спб., 1995. 271 с.
2. Черная речка. До и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Ж. Дантеса. [В соавторстве с С. Витале]. Спб., 2000. Изд-во журнала «Звезда». — 256 с.
3. А.С.Пушкин в творчестве В.В.Набокова. Спб., 2000. — 256 с.
4. А.С.Пушкин. Родословные перекрестки с русскими писателями. Спб., 2000. — 128 с.

Брошюра:

1. Жизнь и творчество Себастьяна Найта. Спб., 1999. 72 с.

Научные статьи:

1. Стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982. С. 193-203.
2. Стихотворение Пушкина «Завидую тебе, питомец моря смелый...» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. Л., 1986. С. 5-23.
3. К истории создания стихотворения «Полководец». Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 149-158.
4. В.Ш., или Муза Набокова // Искусство Ленинграда. 1991. Март. С.17-25.
5. Притча о сеятеле и тема поэта-пророка в лирике Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIV. Л., 1991. С. 54-64.

6. Новое о Пушкине по дневнику Ф.М.Лодыгина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. Спб., 1993. С. 10-23.
7. Родословная Блока // Русская литература. 1994. №3. С. 127-140.
8. «Наследник всех своих родных»// Вышгород.Таллинн-Эстония, 1995. С.64-81.
9. Литературное произведение как генеалогический источник // Известия Русского Генеалогического Общества. Вып. 2. Спб., 1995. С. 34-39.
10. Антиох Кантемир, евгеника и «табель о рангах»// Известия Русского Генеалогического Общества. Вып. 3. Спб., 1995. С. 44-56.
11. «Дворяне все родня друг другу...» // Российская провинция. № 4. 1995. С. 117-123.
12. Письма Жоржа Дантеса к бар. Геккерену.1835-1836. Вступительная статья //Звезда. 1996.№ 9.
13. Лицей в комментариях В.Набокова к «Евгению Онегину» // Царскосельский Лицей: наставники и питомцы. Тезисы конференции. Спб.-Царское Село, 1996. С. 41-43.
14. Переписка В.В.Набокова с М.В.Добужинским. Публикация, вступительная статья и комментарий // Звезда. 1996. № 11. С. 92-108.
15. Из комментариев к «Евгению Онегину». Владимир Набоков. Комментарий к XXXIII строфе Первой главы // Звезда. № 11. С. 74-89.
16. А.С.Пушкин и Мусины-Пушкины // Мусины-Пушкины в истории России. Рыбинск, 1996. С. 215-229.
17. Набоков — Цветаева: заочные диалоги и «горние» встречи // Звезда. 1996. № 11. С. 150-156.
18. Искаженное зеркало бытия.«Bend Sinister» и «Домик в Коломне» // Вестник Российской Академии наук. Т.67. 1997.№ 2.С.157-162.
19. Пушкин в творчестве Набокова // В.В.Набоков: PRO ET CONTRA. Антология. Спб., 1997. с. 772-782.
20. В.В.Набоков. Стихи. [Предисловие и подготовка издания]. Спб., 1997 [Репринтное воспроизведение издания 1916 г.].
21. Письма Жоржа Дантеса к Екатерине Гончаровой. 1835-1836. Вступительная статья // Звезда. 1997. № 8. С. 106-109.
22. Воскресение господина Морна//Звезда. 1997. № 4. С. 6-8.
23. Набоков и род Рукавишниковых // Известия Русского генеалогического Общества. Вып. 7. Спб., 1997. С. 57-63.
24. Державин в комментариях В.В.Набокова к «Евгению Онегину»// Державинские чтения. Вып. I. Научн. ред. В. П. Старк. Спб., 1997. С. 134-151.

25. Владимир Набоков — комментатор «Евгения Онегина» // Владимир Набоков. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Научн. ред. В.П.Старк. Спб., 1998. С. 7-25.

26. Примечания научного редактора // Владимир Набоков. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Научн. ред. В.П.Старк. Спб., 1998. С. 679-704.

27. Пушкинский фон рассказа Набокова «Посещение музея» // Набоковский вестник. Вып. 1. Петербургские чтения. Научн. ред. В. П. Старк. Спб., 1998. С. 66-71.

28. Неизвестное стихотворение В.В.Набокова // Набоковский вестник. Вып. 1. Петербургские чтения. Спб., 1998. С. 227-237.

29. В.Набоков. Родословные отражения // Набоковский вестник. Вып.2. Набоков в родственном окружении. Спб., 1998. С. 5-19.

30. Схемы родственных связей между семьями Набоковых, Симанских и Шишковых // Набоковский вестник. Вып.2. Набоков в родственном окружении. Спб., 1998. С. 31-37.

31. Данзасы // Набоковский вестник. Вып. 2. Набоков в родственном окружении. Спб., 1998. С. 48-55.

32. Родословная Данзасов (Danzas) [в соавторстве с Н.К.Телеговой] // Набоковский вестник. Вып. 2. Набоков в родственном окружении. Спб., 1998. С. 56-59.

33. Проблемы собственной генеалогии в творчестве русских писателей от Пушкина до Набокова // Из материалов международной научной конференции «Генеалогия. Проблемы. Перспективы» (С.-Петербург, 1992). Известия Русского Генеалогического Общества. Вып. 9. Спб., 1998. С. 97-98.

34. Тезоименитство Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. 1(40). Спб., 1999. С. 234-249.

35. Иконография потомков Абрама Ганнибала // Pouchkine et le Monde Noir. Paris, 1999. На русск. и фр. яз. Р. 113-145.

36. «Время расчислено по календарю...». Хронология и топография «Повестей Белкина» // Вышгород. № 1-2. Таллинн-Эстония, 1999. С. 109-120.

37. По следам реального романа. «Оленинский» цикл в набоковских отражениях // Вышгород. № 1-2. Таллинн-Эстония, 1999. С. 199-204.

38. Истоки сновиденья. Пушкин и Набоков: генеалогические перекрестки // Вышгород. № 3. Таллинн-Эстония, 1999. С. 23-36.

39. Ut pictura poesis. Набоков-рисовальщик // Вышгород. № 3. Таллинн-Эстония, 1999. С. 116-138.

40. Неизвестный автограф Набокова, или история одной мистификации // Звезда. 1999. № 4. С. 40-41.

41. Набоков и Пушкин. Генеалогические перекрестки в литературном отражении // V.Nabokov-Sirin. Les années européennes. Paris, 1999.

42. Записка Пушкина к барону Геккерену // Пушкинский Музеум. 1999. № 1. Научн. ред. Р.В.Иезуитова. С. 212-217.

43. Пушкинские отражения в сборнике В.Сирина (В.В.Набокова) «Горний путь» // Пушкинский Музеум. 1999. № 1. С. 251-257.

44. В.Набоков. Пушкин и Ганнибал. [Публикация и вступительная статья] // Мифы и легенды о Пушкине. Научн. ред. М.Н.Виролайнен. Изд. 3-е. Спб., 1999. С. 5-53. (Изд. 1-ое. Спб., 1994; Изд. 2-ое. Спб., 1995).

45. Пушкин и семейные предания его рода // Мифы и легенды о Пушкине. Научн. ред. М.Н.Виролайнен. Изд. 3-е. Спб., 1999. С. 66-85. (Изд. 1-ое. Спб., 1994; Изд. 2-ое. Спб., 1995).

46. Реалии родовых гнезд в текстах Набокова // Набоковский вестник. Вып. 3. Набоковские родовые гнезда. Научн. ред. В. П. Старк. Спб., 1999. С. 25-36.

47. Портрет Ганнибала из дома Набоковых // Набоковский вестник. Вып. 3. Набоковские родовые гнезда. Спб., 1999. С. 107-114.

48. Письма родных. Комментарий // Набоковский вестник. Вып. 3. Набоковские родовые гнезда. Спб., 1999. С. 165-180.

49. «Странное сближение» — Набоков и Есенин // Звезда. 1999. № 4. С. 190-194.

50. А.А.Блок в художественных отражениях Набокова // Набоковский вестник. Вып. 4. Петербургские чтения. Научн. ред. В. П. Старк. Спб., 1999. С. 53-68.

51. Дни рождения в жизни Пушкина // Звезда. 1999. № 6. С. 126-134.

52. Пушкинские мотивы в набоковских контекстах // А.С.Пушкин и В.В.Набоков. Сборник докладов международной конференции 15-18 апреля 1999 г. Отв. ред. и сост. В.П.Старк. Спб., 1999. С. 109-116.

53. Набоков-Сирин — от истоков к устью // Набоков В. В. Романы. Серия «Пушкинская библиотека». В 2-х томах. Составление и вступительная статья В. П. Старка. Изд. «Слово». М. 1999. С. 5-14

54. Пушкины и Сумароковы // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 11. Спб., 2000. С. 25-29.

55. Набоковы // Дворянская семья. Из истории дворянских семей в России. Составление, предисловие В.П.Старка. Спб., 2000. С. 125-134.

56. Знаменательные даты в хронографии Набокова // Набоковский вестник. Вып. 5. Юбилейный. Научн. ред. В. П. Старк. Спб., 2000. С. 7-18.